ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 04.05.2026 | Паоло Сурико

Деньги – не главная проблема

Роста оборонных бюджетов недостаточно для безопасности Европы. Их нельзя отделять от финансовой и инновационной политики.

Наконец-то, после многих лет недофинансирования, Европа начинает увеличивать оборонные расходы. О причинах мало кто говорил так же откровенно, как бывший генеральный секретарь НАТО Джордж Робертсон, предупредивший, что после десятилетий «разлагающего самоуспокоения» Британия оказалась «в опасности».

По данным Европейского оборонного агентства (EDA), расходы Евросоюза на исследования и разработки в сфере обороны в 2024 году составили всего 13 млрд евро (около 0,07 процента ВВП), а в США – $149 млрд, то есть примерно 0,5 процента ВВП. Для сокращения этого отставания нужно не просто увеличивать расходы на НИОКР, нужны фундаментально новые подходы к мобилизации капитала.

Впрочем, деньги – это не главная проблема. Реальная проблема в том, как превратить расходы в технологический потенциал. В современной обороне важна не столько численность войск, сколько контроль над передовыми технологиями, включая полупроводники, искусственный интеллект (ИИ), квантовые вычисления, чистую энергетику. Военный потенциал теперь зависит от скорости разработки и масштабирования этих технологий. У стран, которые действуют быстро, будет выше уровень безопасности и процветания, а отстающим странам придется полагаться на внешних поставщиков ровно в тот момент, когда геополитическая фрагментация повышает издержки подобной зависимости.

Военный потенциал теперь зависит от скорости разработки и масштабирования

Проблема становится особенно актуальной на фоне обострения конкуренции за стратегические технологии. Америка сочетает глубокие рынки капитала с масштабной господдержкой, а Китай направил государственные ресурсы на

инновационных технологий

ускорение внедрения новых технологий. Европа же затрудняется использовать свои научные достижения для повышения промышленного потенциала и рискует отстать от обеих стран.

Проблема не в отсутствии талантливых кадров. В Европе нет недостатка в университетах мирового класса или высококвалифицированных работниках, но у нее слишком мало инновационных фирм, вырастающих в крупные, глобально конкурентоспособные компании, а многие из тех, что есть, либо поглощаются, либо решают расти за рубежом.

Слабость Европы является финансовой и институциональной. На континенте предостаточно сбережений, но здесь не хватает рискового капитала. Сегодня это уже не просто проблема роста экономики; это вопрос обороны, поскольку от способности развивать новые технологии все чаще зависит военный потенциал.

Одним из крупнейших неохваченных источников финансирования для расширения стратегических отраслей являются пенсионные системы Европы. Но хотя пенсионные фонды управляют огромными объемами долгосрочного капитала (особенно в программах с фиксированным размером взносов, которые сейчас доминируют в сфере пенсионных накоплений), они выделяют лишь очень малую часть этих средств быстрорастущим инновационным фирмам – и в основном за пределами Европы. Они предпочитают безопасные активы, а не рискованные вложения в паи и акции.

Доверительные управляющие и управляющие активами часто считают такие инвестиции неликвидными, полными неопределенности и сложными для сравнительной оценки. Результат оценивается на сравнительно коротких горизонтах, а обязательства растягиваются на десятилетия. Это несоответствие становится сильным стимулом, чтобы выбирать ликвидные активы с низкой волатильностью, даже если долгосрочная доходность оправдывает больший риск. В итоге возникает структурный перекос, который затрудняет инновационным компаниям доступ к капиталу, необходимому им для расширения.

Хотя власти стали признавать эту проблему, предпринимаемые меры пока еще слишком сдержаны. Инициативы, подобные британской программе «Акселератор обороны и безопасности» (DSA), демонстрируют жизнеспособность совместных государственно-частных инвестиций, но они не привели к значимому изменению в

институциональных решениях о распределении средств, и они не наладили доверие, необходимое для расширения круга участников.

Более эффективный подход – считать государственные расходы катализатором, а не просто источником финансирования. Если бы государство обязалось паритетно дополнять частные инвестиции в стратегические отрасли, это стало бы мощным стимулом для разработки новых технологий. Риски провала будут разделены, в то время как отбор проектов останется в частных руках.

У этого подход два ключевых эффекта. Во-первых, снижаются риски для институциональных инвесторов, что упрощает им перенаправление капиталов в неликвидные активы с низким уровнем определенности. Во-вторых, можно привлечь дополнительные инвестиции: каждый евро государственных средств мобилизует эквивалентное количество частного капитала. Тем самым госрасходы превращаются в рычаг, а не просто тратятся.

Со временем такие механизмы могут фундаментально изменить поведение институциональных инвесторов. По мере накопления ими опыта и экспертных знаний, а также успешных истории в этом классе активов, воспринимаемые риски уменьшатся. Процесс, начинавшийся как совместное инвестирование, может затем перерасти в самодостаточную экосистему, где частный капитал будет играть важную роль даже без постоянной господдержки.

В конечном итоге стратегическая автономность Европы зависит от того, сможет ли она мобилизовать капиталы в достаточных объемах и направить их на поддержку отечественных компаний в критически важных отраслях. Без этого потенциала Европа останется зависимой от иностранных поставщиков. А в наши дни эта зависимость сопряжена с дорогостоящими рисками – от сбоев в поставках до снижения влияния на стандарты и производство.

Страны, которые сблизят госинвестиции и частный капитал, будут лучше позиционированы для разработки технологий, обеспечивающих безопасность и

Важно, что увеличение вложений в быстрорастущие активы необязательно противоречит интересам собственников денежных средств. Этот шаг может повысить степень диверсификации, а также долгосрочную доходность, хотя и при условии качественного управления рисками. Главное препятствие – не отсутствие желания, а то, как структурированы институциональные стимулы и правила формирования инвестпортфелей.

процветание

Для достижения необходимых масштабов и предсказуемости механизмы соинвестирования должны быть достаточно крупными, чтобы повлиять на институциональные инвестпортфели, и они должны стать частью долгосрочных, многолетних гособязательства в сфере НИОКР (так уже делают Франции и Финляндии). Без подобной стабильности инвесторы вряд ли накопят необходимый опыт и не будут вкладываться на долгий срок.

Переход к совместным инвестициям необязательно потребует значительного увеличения госзаимствований. Европа уже выделяет много средств на инновационную политику, но просто не теми способами, которые эффективно привлекают дополнительные частные инвестиции. Например, налоговые льготы, подобные «патентной коробке» в Великобритании, обычно дорого обходятся, непропорционально выгодны для крупных, уже существующих игроков и часто вознаграждают работу, которая в любом случае была бы выполнена. Перенаправление этих ресурсов на соинвестиции и конкурентное финансирование НИОКР поддержит инновационные фирмы, особенно стартапы на поздних этапах развития, которые особенно остро ощущают проблему дефицита капиталов.

Общий вывод ясен: расходы на оборону больше нельзя отделять от финансовой и инновационной политики. Страны, которые сблизят госинвестиции и частный капитал, будут лучше позиционированы для разработки технологий, обеспечивающих безопасность и процветание. А те, кто этого не сделает, обнаружат, что одного только увеличения оборонных бюджетов недостаточно для обеспечения экономического процветания и национальной безопасности.

(c) Project Syndicate 2026

По этой ссылке статья откроется без VPN

Паоло Сурико

Паоло Сурико (Paolo Surico) – профессор экономики в Лондонской бизнес-школе.